

В одиннадцатом классе ноябрь подходил к концу, завершаясь очередными ежемесячными экзаменами. Стоило Фэн Чжоу собрать вещи и выйти из душного кабинета, как ледяной порыв ветра заставил его вздрогнуть. Именно в этот миг он по-настоящему осознал: пришла зима.

Фэн Чжоу никогда не отличался особой чувствительностью к смене времён года — обычно он спохватывался лишь на исходе зимы, внезапно понимая, что пролетел ещё один год. Однако сейчас, пробираясь сквозь людской поток в коридоре и глядя в окно, где в какие-то пять вечера уже сгустились глубокие сумерки, он вдруг ощутил, как неумолимо летит время.

Фэн Чжоу как раз предавался столь редкой для него меланхолии, когда чья-то рука бесцеремонно сгребла его за шею. Ему даже оборачиваться не требовалось, чтобы понять, кто это.

— Отвали, — холодно бросил он.

Юй Шаочунь, прекрасно зная, что это «отвали» — лишь дань приличию, даже не подумал убрать руку и продолжил шагать в обнимку:

— Слушай, а как ты решил предпоследнюю задачу по физике?

— Обычным способом.

— А через закон сохранения импульса её можно решить?

— Можно, но тогда придётся вводить относительную систему отсчёта.

— Так на гладкой доске движение равномерное, а как только тело её покидает — начинается равнозамедленное.

— Ну да, — Фэн Чжоу покосился на него. — Но на кой чёрт тебе сдался импульс, если есть теорема о кинетической энергии?

— Сначала находишь ускорение, потом по формуле движения вычисляешь скорость, а затем подставляешь её в уравнение перемещения.

— И тебе не лень так возиться?

— Зато логика очевиднее, чем в теореме о кинетической энергии.

— Какая к чёрту очевидность? По теореме о кинетической энергии просто приравниваешь одну вторую mv^2 к $\frac{1}{2}mv^2$ — и всё, перемещение у тебя в кармане!

Слово за слово, и они затеяли жаркий спор. Препираясь на ходу, парни дошагали от кабинета восьмого класса до самых дверей второго, заставляя прохожих учеников недоумённо оборачиваться. Никто толком не понимал, что происходит, но видеть людей, столь яростно лающих из-за законов физики, ребятам точно ещё не приходилось.

— Душнила, — вынес вердикт Фэн Чжоу.

— Больной, — не остался в долгу Юй Шаочунь.

Юй Шаочунь с ходу распахнул дверь во второй класс, и изнутри тут же раздался жалобный вопль. Заглянув за дверь, он обнаружил Тай Мэя: тот сидел на парте, жеманно отставив мизинец и зажимая ушибленный лоб.

— Моя бедная голова-а-а!..

История имела обыкновение повторяться самым беспощадным образом.

Из-за спины Тай Мэя высунулся Ли Гохао:

— Босс Юй, ставочку сделаешь?

— На что?

— На результаты этой ежемесячной контрольной, — ухмыльнулся Ли Гохао. — Чисто символический азарт для поднятия настроения. Спорим, кто вырвется на первое место в параллели, а кто останется вторым. Пять юаней за ставку, возврату не подлежит!

Юй Шаочунь тут же вытащил телефон, готовый перевести деньги:

— Куда кидать?

— На кого ставить будешь?

— Естественно, на себя, — Юй Шаочунь посмотрел на него как на дурака. — А на кого ещё? На Фэн Чжоу? Без обид, но в этот раз он мне точно сольёт.

Услышав это, Фэн Чжоу презрительно фыркнул:

— С твоим английским тебе бы для начала алфавит вызубрить, а потом уже метить на первое место в параллели.

Наступив на болезненную мозоль Юй Шаочуня, Фэн Чжоу заставил того возмущённо ткнуть пальцем ему в спину:

— Эй! Школьники со слабой успеваемостью по отдельным предметам — это просто ангелы со сломанными крыльями!

Фэн Чжоу обернулся у самого порога:

— Со сломанными крыльями? По-моему, у тебя оба крыла в щепки, летун пикирующий.

— Слушайте меня и ставьте на меня, — уверенно бросил Юй Шаочунь, переводя Ли Гохао деньги. — У меня в этот раз предчувствие отличное.

— И в чём же это величие выражается? — поинтересовался Ли Гохао.

— Ну, хотя бы в том, что на английском я чувствовал себя богом, — хвастливо заявил Юй Шаочунь. — На аудировании не заснул, понял абсолютно каждое задание и даже заполнил все пропуски в бланке ответов.

— Да ладно? Серьёзно?

— Зуб даю.

Оставив за собой последнее слово, Юй Шаочунь щегольской походкой направился к своей парте. Класс остался стоять, переглядываясь в полнейшем недоумении.

Чэнь Сы немного помолчал, а затем тихо произнёс:

— Пожалуй, я поставлю на Фэн Чжоу. Так надёжнее.

— Это ещё почему?

— Вы что, не знаете английский Юй Шаочуня? — вздохнул Чэнь Сы. — Это же форменное стихийное бедствие. У него оценки скачут так, будто шкалу Рихтера лихорадит на американских горках.

На следующий день во время урока английского учительница вошла в класс с портативным громкоговорителем на поясе. Вид у неё был грозный. С размаху шлёпнув пачку проверенных контрольных на кафедру, она ледяным тоном скомандовала:

— Юй Шаочунь, встань!

Тот как раз возился над математической задачей, которую ему подкинул Фэн Чжоу. Поднимаясь с места, он всё ещё прокручивал в голове правило Лопиталя после нахождения четвёртой производной, поэтому не сразу сообразил, что к чему.

— Тан Цянь, ты тоже встань, — учительница вытащила из стопки два двойных листа и швырнула их на первую парту. — У тебя вообще страх атрофировался? Списывать эссе у Юй Шаочуня?!

Тан Цянь растерянно захлопал глазами:

— Чего?..

Преподавательница распалялась всё сильнее:

— Ладно ещё в обычных домашках ты путаешь его строчную «l» с прописной «I», это дело привычное. Но списать целое сочинение один в один?! Совсем стыд потерял?

— Да я не...

— Что «не»? Ещё и отпираться вздумал? — отрезала учительница. — Ты держишь меня за дуру? Думаешь, я не отличу два абсолютно одинаковых текста, собранных на коленке через онлайн-переводчик?

Катастрофа.

Юй Шаочунь никак не ожидал, что его поделник окажется настолько беспросветно глупым, чтобы переписать всё слово в слово. Понимая, что крыть нечем, он послушно опустил голову, приготовившись безропотно сносить нагоняй.

Немного отдышавшись, учительница с горечью добавила:

— Ладно Тан Цянь, у него по английскому хотя бы стабильно за сто двадцать баллов. Но ты, Юй Шаочунь! На свои результаты вообще смотрел? Тебе самому не кажется, что твоя ведомость успеваемости из-за этих перекосов выглядит дико?

Юй Шаочунь послушно закивал с максимально раскаявшимся видом:

— Виноват, учитель. Вы абсолютно правы.

— Зубы мне не заговаривай! — из динамика на её поясе вырвался резкий, оглушительный писк.

— Я проверяла твою работу лично. Мне даже имя на бланке смотреть не пришлось — по

одному разделу перевода сразу поняла, кто автор.

С треском сломав мелок, она повернулась к доске и размашисто вывела китайскую пословицу: «Лёд толщиной в три чи замерзает не за один день».

— Ну давай, расскажи классу, как ты это перевёл? Ты же у нас мастер слова.

Юй Шаочунь понурил голову.

— Что молчишь? А в бланке так уверенно писал. Просвети нас, пожалуйста!

На скулах парня проступил редкий для него румянец смущения. Он кашлянул в кулак и негромко продекламировал:

— «Ice has three chi, no because oneday cold»...

Тай Мэй издал звук, похожий на свист сдувающегося шарика. Учительница тут же метнула в него испепеляющий взгляд, и парень мгновенно уткнулся в учебник с самым благочестивым видом.

— «Три чи»?! — переспросила она. — Это твоё личное изобретение? Тебе с такими талантами в ООН надо работать, переводчиком-новатором. В нашей школе твой гений просто чахнет!

Фэн Чжоу прыснул ещё на фразе про «три чи». Не в силах сдержать рвущийся наружу хохот, он поспешно опустил голову, изо всех сил уставившись на изображение панды в учебнике английского. Он, конечно, знал, что у Юй Шаочуня проблемы с языком, но не подозревал, что пропасть настолько глубока.

Шедевр лингвистической мысли. Эталонный «чинглиш».

Фэн Чжоу ни капли не сомневался: доведись Юй Шаочуню изъясняться с иностранцем, он без тени сомнения выдал бы нечто вроде «Give you some colour see see» — мол, я покажу тебе, где раки зимуют.

Как только прозвенел звонок на перемену, Ли Гохао примчался к парте Юй Шаочуня и буквально сполз на пол от хохота:

— Босс Юй, «три чи»?! Господи, как тебе вообще такое в голову пришло?!

— Ну а что? — Юй Шаочунь покачнулся на стуле, закинув руки за голову. — Оставлять пустое место в бланке — это грех. Я просто перевёл каждое слово по отдельности и склеил в

предложение. Главное ведь — попытаться!

В этот момент в класс вошёл Фэн Чжоу, принёсший из учительской пачку проверенных контрольных работ. Толпа тут же облепила его, требуя показать результаты Юй Шаочуня — одноклассников его оценки сейчас волновали куда больше, чем самого виновника торжества. Однако Фэн Чжоу с невозмутимым видом вытянул злополучный бланк, лежавший на самом верху стопки, обошёл зевак и протянул его хозяину:

— Забирай. Если не хочешь окончательно лишиться репутации.

Юй Шаочунь удивлённо моргнул:

— Надо же. А я думал, ты воспользуешься шансом поглумиться надо мной при всех.

Фэн Чжоу снисходительно улыбнулся:

— Зачем мне напрягаться? Общий рейтинг на доске почёта сделает это за меня.

Лицо Юй Шаочуня мгновенно скисло:

— То есть у меня вообще не было шансов обойти тебя?

— Ну почему же, шансы есть всегда, — отозвался Фэн Чжоу. — Отсыпь половину своей железобетонной уверенности на изучение английской лексики, и в следующий раз точно меня уделаешь.

Юй Шаочунь никогда не отличался обидчивостью и легко поддерживал любые шутки. Позволив приятелям поканючить ещё пару минут, он обречённо хлопнул листом по столу:

— Ладно, валяйте, стервятники! Забирайте свою добычу, глаза б мои её не видели!

Тай Мэй выхватил работу с видом искателя сокровищ и торжественно провозгласил:

— Внимание, господа! Сейчас я зачитаю вам шедевры англо-саксонской словесности от нашего великого мастера!

Он набрал в грудь побольше воздуха и с пафосом начал вещать:

— Итак, предложение из задания: «Джон выглядит очень красивым». Наш гений переводит это так: «John looks like me»!

Класс так и лёг. Юй Шаочунь ухитрился перенести своё феноменальное самолюбие даже на контрольную по английскому.

— Едем дальше! — заливался Тай Мэй. — Предложение: «Этот парк прекрасен, словно рай». Перевод от маэстро: «This park beautiful like God's house»!

Фэн Чжоу держался из последних сил ещё на фразе про Джона, но после «Божьего дома» окончательно сломался. Он уткнулся лицом в тетрадь по физике, содрогаясь в беззвучном смехе.

Сквозь общий гогот Юй Шаочунь бросил на него полный вселенской скорби взгляд:

— Раз уж даже ты смеёшься, значит, моя репутация разрушена до основания.

— Я тут ни при чём, — Фэн Чжоу поднял покрасневшее лицо, в его глазах всё ещё блестели слёзы смеха. — Я честно пытался уберечь тебя от позора, но ты сам сдался без боя.

Юй Шаочунь почесал затылок:

— Но английский — это и правда сущий кошмар.

— Да неужели?

— А как иначе? Половину текста в чтении я ещё понимаю, а остальное приходится додумывать на ходу и тыкать наугад, — Юй Шаочунь праведно возмутился. — В математике хотя бы за одно слово «решение» балл накинуть могут!

— Ты серьёзно не помнишь, как пишутся слова «handsome» и «heaven»?

— Да помню я всё в обычные дни! Просто на самом экзамене в голове белый лист, всё напрочь вылетает.

Фэн Чжоу пришёл к выводу, что Юй Шаочунь обречён вечно оставаться вторым именно из-за своих провальных результатов по гуманитарным дисциплинам. Посмотрев на покатывающиеся со смеху одноклассников, всё ещё разглядывающих злополучную контрольную, он сжалился:

— Могу подсказать, как быстро подтянуть язык. Хочешь научу?

— О снисходительный мастер, молю, открой мне эту тайну.

Фэн Чжоу полез под парту и вытащил тонкую брошюру:

— Начни с этого.

— «Справочник три тысячи пятьсот слов»?

Фэн Чжоу кивнул:

— Все твои беды — от скудного словарного запаса. Выучишь их — и больше никакого «Божьего дома».

— Да учил я его, — вздохнул Юй Шаочунь. — Ещё в десятом классе. Целый семестр за ним просидел.

— И до какого слова дошёл?

Юй Шаочунь отвёл взгляд и виновато пробормотал:

— До самого первого... До «Абандон».

<http://bllate.org/book/19050/1961192>